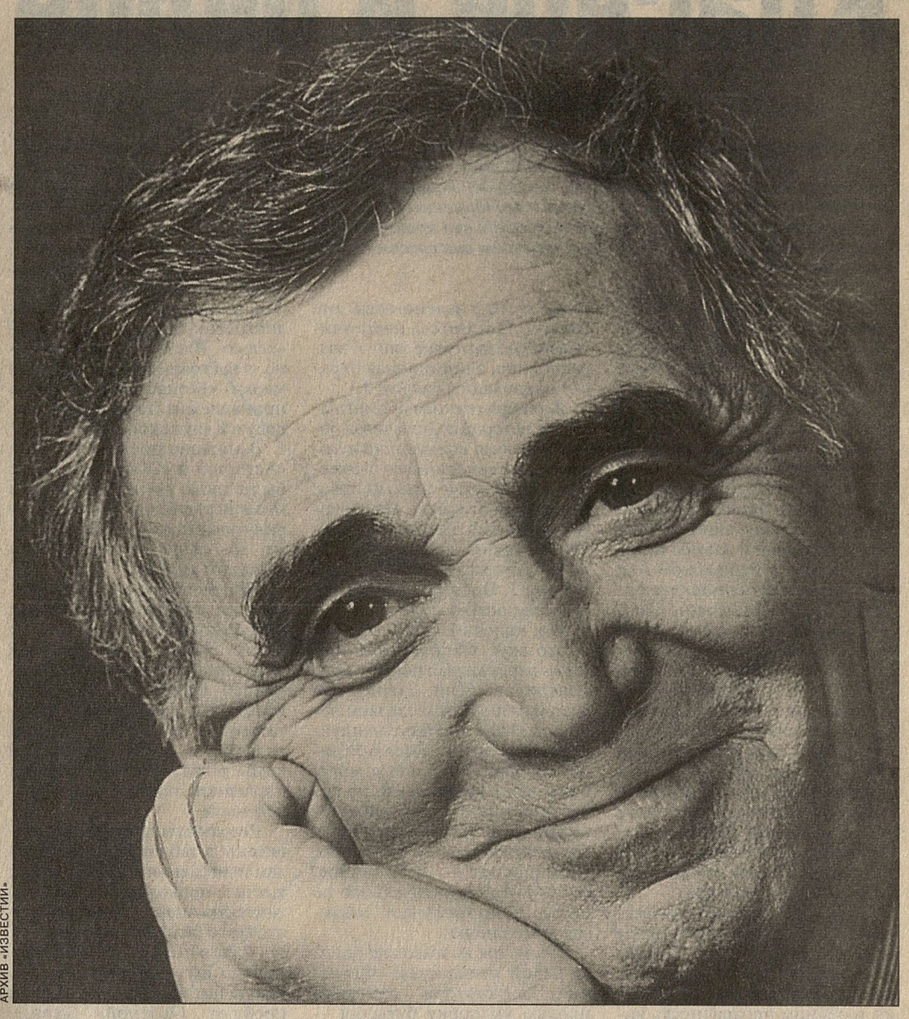
Рязанов Эльдар 13 апр. 2001

● Пять вечеров

Встреча третья — на весенней рязановской завалинке

СЕРГЕЙ КАПТИЛКИН



АРХИВ «ИЗВЕСТИЙ»

Рязанов и Азнавур

77

Греет апрельское солнце, журчат ручьи, поют скворцы, к рязановской даче подкрадывается весна. Рязанов сидит на завалинке, жмурится на солнце, рядом жмурится Чонкин. Корни Чонкина тянутся в аристократические дебри. Маркиз де Чонкин — ненормально ласковый черный ризеншнауцер.

— Эльдар Александрович, он ко всем такой приветливый?

— Говорят, собаки похожи на хозяев. Если это так, то мое мнение о себе сильно возрастает: Чонкин пес добрый и дружелюбный. Он белая ворона — ведь ризеншнауцеры наряду с немецкими овчарками охраняли гитлеровские концлагеря. А мой Чонкин не укусил никого ни разу в жизни. Мне очень нравится эта порода — красивая и благородная. Адрес его матери мы узнали через собачий клуб. И выбрали самого живого. Посадили в корзинку, но он немедленно оттуда вылез, так что у него с детства стремление к самостоятельности. А теперь мы вместе стареем — ему двенадцатый год. Это по собачьему счету. А по человечьему — 84 года! Мы оба глохнем. И у нас обоих хороший аппетит.

— А почему 84? Есть какой-то определенный расчет?

— Считается, что каждый человечий год у собак идет за семь. Я не знаю, кто это выдумал, но так принято. Чонкина в поселке все любят, все его кличут, все гладят. Нового человека он пугает своим устрашающим видом, а на самом деле он ласковый. Живет как у Христа за пазухой. Один мой ученик признался, что хотел бы быть собакой Рязанова. Я на это ответил, что тоже предпочел бы быть собакой Рязанова, а не самим Рязановым, потому что Чонкин не знает многого плохого, что знает Рязанов. Он любимое существо в семье, и у него деликатный, интеллигентный характер. Если я сплю, он не тычет носом в одеяло, а терпеливо ждет, когда проснусь. И не клянчит у стола. Никто его этому не учил — просто у него врожденное благородство.

— Почему Чонкин — Чонкин?

— Потому что мы его взяли сразу после того, как мне закрыли картину о солдате Чонкине. Закрыли буквально за две недели до начала съемок. И в утешение я решил осуществить мечту о собаке. Понял: пришло то время. В память о рухнувшем фильме мы хотели назвать пса Чонкин. Но в собачьих клубах есть какие-то правила, по которым нужно было называть собак только на букву «И». И тут меня осенило: ведь Чонкина в романе зовут Иван Васильевич! Так и назвали. У него отличная родословная — со всякими там приставками «де», как у испанского маркиза. Он успешно продолжил род двумя маленькими Чонкиными — но это только те, кого мы официально знаем. А сколько их у него еще, он не говорит.

(Звонок в калитку — привезли распечатку нового сценария Рязанова).

— Будете этот сценарий снимать?

— Не решил пока. Думаю, что нет. Я все-таки режиссер избалованный многими миллионами зрителей, а при нынешнем состоянии проката фильмы никто не видит. И у меня ощущение невероятной неадекватности усилий и последующей отдачи: отечественные фильмы на экран не выходят. Независимо от жанра: авторское кино, коммерческое кино — всё одинаково подвергается обструкции...

— Грустно. Но мы отвлеклись. Читателям обещан Шарль Азнавур.

Человек, который умеет все

(Мы в офисе Шарля Азнавура в центре Парижа. Стены украшены афишами концертов и бесчисленными золотыми дисками).

Азнавур *(как бы между прочим)*: Это только половина дисков!

Рязанов *(догадливо)*: **Понятно. Остальные — дома.**

— Нет, дома нет ничего, что напоминало бы мне о моей профессии.

— Вы что, так ее не любите?

— Нельзя заниматься профессией двадцать четыре часа в сутки. На свете еще много важных вещей.

— Спасибо, что согласились на интервью.

— Россия — страна, которую я люблю. Я не говорю по-русски, но это для меня не иностранный язык и во мне есть немножко славянской крови.

— Шарль, расскажите, когда вы запели.

— В девять лет. Сначала в русских ресторанах — дедушка был поваром и готовил русские блюда. У отца в Париже тоже был русский ресторан, назывался «Кавказ» — там я и начинал. Это наследственное: отец был певцом, мать — актрисой. И я автоматически пошел в певцы. Если б отец был банкиром, я бы теперь работал в банке. А так мне ничего не оставалось, как запеть.

В 30-е годы случилась депрессия, отец стал банкротом, и ресторан превратился в маленькое кафе. Напротив находилась театральная школа, куда дети актеров ходили учиться читать-писать. И если какому-нибудь режиссеру для спектакля или фильма был нужен ребенок, его обычно там и находили. Я только-только поступил, как в первый же день в школу явился режиссер и спросил, что я умею делать. Я скромно ответил, что умею все. Он поверил. Тогда, в 1933-м, и началась моя карьера. Совершенно случайно, как видите. Хотя думаю, мы с сестрой в любом случае пришли бы в искусство — мы всегда хотели стать артистами.

— Как сложился ваш знаменитый дуэт с Пьером Роше?

— В войну в Париже был клуб «Песня». Меня туда привела сестра. Мы на пару танцевали что-то вроде чечетки, а Роше играл там на пианино. Однажды конферансье ошибся и меня объявили вместе с Роше. Что делать — я спел, он сыграл, и это имело успех. Решили продолжить. Пьер уже был известным композитором, а я тогда песен не писал. Но надо было делать репертуар, песен не хватало, и я стал подумывать о собственных сочинениях. Первая же моя песня получила приз как лучшая песня года. Потом мы вместе гастролировали в Канаде и США, Пьер там женился, а я вернулся во Францию. Петь не хотелось, а хотелось стать актером. Но драматические роли как-то не пошли, и я продолжал сочинять песни. Их взяли в репертуар другие артисты, и я стал известен. Потом запел сам, и песня привела меня в кино. Вот так всегда в жизни происходит: одно тянет за собой другое.

— Где прошел ваш дебют?

— В зале «Альгамбра», в 56-м или 57-м году. Первый вечер дался тяжело, но уже следующий прошел прекрасно... Знаете, я не очень привык говорить о себе. Охотно говорю о других и редко — о себе.

— Расскажите о неудачах. У вас были провалы? Я где-то читал, что публике нравились ваши песни, но не нравилось ваше пение. Вам даже предлагали выступать в качестве мима — это правда?

— Я был единственный, кто верил в Шарля Азнавура. И публика приняла меня далеко не сразу: я делал вещи непривычные, для Франции новые. Да и внешность моя не соответствует представлению о звезде: я маленький, с грустными глазами. У меня трудное для французов имя. И песни мои непросты, их не назовешь коммерческими. Так что карьера развивалась трудно и медленно. Но может, чем труднее, тем прочнее? Я никогда не стремился идти навстречу публике и тем более опускаться до примитивных вкусов — всегда хотел перетянуть публику на свою сторону. Все-таки публику надо воспитывать! Я не один такой. И у Жоржа Брассенса, и у Жака Бреля были те же трудности. Хорошее качество публике приходится навязывать, а это очень тяжело.

Знак качества

— Вы в своих песнях и поэт, и композитор, и исполнитель. С чего песня начинается? Что появляется первым — слово или нота? Текст или мелодия? Или желание спеть?

— Сначала... *(большая пауза)* — текст. Я в первую очередь автор стихов. Музыка для меня — только нечто, поддерживающее стихи. Вообще, я думаю, что французской эстрадной музыки — нет. Когда я это говорю, французы расстраиваются, но это так. Мы пользуемся боссановой, музыкой славянской, еврейской, испанской, танго, джазом, рок-н-роллом, а французской музыки нет, ее еще не изобрели. Нет такого музыкального жанра, который придумали бы французы. Так что я пользуюсь музыкой всего мира. Но стихи — французские, в этой области у нас великие достижения. У нас великие поэты-песенники.

— Хорошо, песня написана — и что? Долго репетируете?

— Вообще не репетирую, начинаю петь сразу. Ненавижу репетиции — они создают какую-то механистичность. Через шесть-семь месяцев от песни отказываюсь, чувствую: пошли одни и те же приемы, интонации, жесты. А я люблю спонтанность, чтобы каждый раз заново. Поэтому как напишу, так и начинаю петь. Иной раз и слова не успею запомнить — приходится пользоваться шпаргалками. Пишу сразу много. Потом останавливаюсь и могу не писать целый год.

— Ваш успех не утихает уже сорок лет — как вы этого добились?

— Есть только один секрет — качество искусства. Конечно, реклама тоже важна: есть великие артисты, которые не продали ни одной пластинки. Актерские судьбы складываются прихотливо. Клоунов знают только те, кто ходит в цирк, но это не мешает им остаться в истории. Например, великие клоуны Крок или Карандаш. Или русский певец, который пел любовные песни. Он обогнал свое время, пережил его. О нем мне рассказал отец. Потом я наконец отыскал его альбом — технически не очень хороший. Его любил Мстислав Ростропович, но так и не смог найти эту пластинку. Я ее теперь ему пошлю.

● Планетарий

AP

VIP

***Шарль Азнавур* — французский шансонье, композитор, поэт, киноактер. Под именем Вареног Азнаурян родился в семье эмигрантов из Армении 22 мая 1924 года. Пел в капелле церкви Сан Северен. В 15 лет занял первое место в детском конкурсе песни — пародировал Мориса Шевалье. Был шофером у Эдит Пиаф, считает себя ее учеником. 90 процентов песен — о любви. Главные фильмы: «Головой об стену», «Стреляйте в пианиста», «Дьявол и десять заповедей», «Американская крыса», «Десять негритят».**

AP

9 мая Каннский кинофестиваль откроется новым фильмом Шарля Азнавура мюзиклом «Лотрек» — о знаменитом французском художнике Анри Тулуз-Лотреке. В главной роли — соотечественник Азнавура армянский актер Севан Стефан, в роли его возлюбленной Сюзан Валадон — Ханна Уоддингэм. На верхнем фото — все трое перед лондонской премьерой.

— И как же звали певца?

— Александр Вертинский. Вот это качество пения! Только оно может сделать артисту долгую карьеру. И никаких компромиссов! Главный принцип: не пытаться идти на поводу у публики, но — поднимать ее до своего уровня. Да, я писал песни для Джонни Холлидея и других, но сам их не пел. Если бы я пел рок-н-ролл, то... предал бы себя и свою публику.

— Вы не только великий певец, но и глава фирмы, которая выпустила диски Эдит Пиаф, Шарля Трене и еще многих замечательных шансонье. Как вы решились взвалить на себя еще и этот бизнес?

— Я эту фирму купил только потому, что ей грозила опасность уйти в руки иностранцев. Подумал, что эти новые хозяева просто не в состоянии были бы понять творчество наших шансонье. Фирма эта — национальное достояние Франции, а национальное достояние нужно оберегать. Если у вас в России вздумают продать музыкальные компании английским, американским, японским или немецким фирмам, то русскую музыку перестанут исполнять. Кто ее может защитить? Только русский, никто другой. Иностранцы неизбежно станут тиражировать свои песни, и это опасно для национальной культуры. Я не хочу, чтобы с такой опасностью столкнулись мои дети. Они должны жить в окружении той культуры, которую я защищал всю жизнь. Я зарабатываю достаточно денег, чтобы тратить их ради страны, которая дала мне все. Я — сын эмигрантов, но родился здесь, во Франции. Эта страна приняла моих родителей, кормила их, дала им достойную жизнь, позволила воспитать детей. Я очень многим обязан Франции. И сделаю все, чтобы культура этой страны продолжала жить.

Нет маленьких ролей...

— Теперь поговорим о кино...

— Кино для меня особый случай. Наверное, я единственный актер, который снимается в кино только когда есть время. И вынужден от многих предложений отказываться, потому что главной своей профессией я считаю песню. А песня отнимает много времени. С другой стороны, без песни я бы никогда не стал сниматься в кинофильмах, так что мне, можно считать, повезло.

— У Франсуа Трюффо в фильме «Стреляйте в пианиста» вы играете музыканта, но не поете, — расскажите об этом.

— Фильм этот получился почти случайно. Трюффо собирался снять документальную картину обо мне и пришел спросить моего согласия. Для знакомства показал свою короткометражку — до нее он почти ничего еще не снимал. А через несколько дней вдруг пришел с книгой под мышкой и предложил вместо документального фильма снять игровой. Я прочитал книгу и согласился. И даже был рад, потому что вовсе не хотел в кино петь. Я всегда от этого отказывался, хотя певца всегда просят петь. Но в кино это глупо и смешно... Я кино люблю, но оно в моей жизни на втором месте.

— По какому принципу отбираете для себя роли?

— Во всяком случае не по величине. Соглашаюсь играть независимо от того, большая роль или маленькая. Мне важно — что она мне дает. Были роли на две минуты, но мне казалось, что они более важны, чем иная главная роль. Была совсем короткая сцена: Мишель Морган окликает: «Шарль!» — я оборачиваюсь и говорю: «Здравствуй!». Вот и все. У Клода Шаброля я снимался в такой же крошечной роли, Шаброль — мой друг, и я для него это охотно сделал. Иногда предпочитаю сниматься бесплатно. Особенно если фильм получился плохой. И еще потому, что я значительно богаче режиссера и могу себе позволить оказать ему такую любезность.

— В своем будущем фильме я это обязательно учту...

— Совсем необязательно быть в фильме звездой. Мне больше нравится принцип репертуарного театра: сегодня играешь главную роль, завтра — эпизод. Я его стараюсь придерживаться и в кино. Меня за это даже критиковали. Но я считаю, нельзя все ставить в зависимость от размеров роли и гонорара. Нужно быть артистом, а уж потом — коммерсантом.

— И тем не менее даже сейчас вы пользуетесь каждой секундой для того, чтобы посмотреть какие-то бумаги или позвонить по телефону. Время — деньги?

— Его просто не хватает. Жизнь коротка, и никогда не знаешь, успеешь ли закончить свои дела. Каждый вечер ловлю себя на том, что опять забыл сделать что-то важное. У меня нет секретаря, я на все письма отвечаю сам. Пусть две строчки, но отвечаю. Поздравляют с днем рождения — отвечаю. С Новым годом — отвечаю. Это очень важно, но для этого нужно время. Так что едва выдается свободная минутка, я открываю конверт или звоню по телефону.

— Роли маленькие, а успех очень большой — чем вы его объясните?

— Наверное, тем, что я часто играл роли, близкие к пониманию простых людей. Какой-нибудь пекарь или фермер. Эти персонажи похожи на всех и на каждого. Вот я такой народный персонаж!

Посол Армении

— Мне говорили, что вы посол Армении во Франции. Это как — почетный посол или реальный, действующий?

— Я посол не во Франции. Я представляю Армению во всем мире. Я — посол при ЮНЕСКО. Этот титул позволяет мне открывать нужные двери, когда речь идет о помощи Армении, и выполнять просьбы, которые не мог бы выполнить просто певец. Честно говоря, было время, когда армянский вопрос меня не волновал. Но после землетрясения в Спитаке я сказал себе: «Мои родители из Армении. Что я могу сделать, чтобы им было приятно? Что я должен сделать для страны моих родителей?». Так что теперь я стал армянином в куда большей степени, чем был раньше. Был армянином второго ранга, стал — первого.

— Я знаю, что именно благодаря вашей помощи Армения тогда смогла встретить Новый год с электричеством...

— Я очень многим в Армении занимаюсь: детскими домами, аптеками и так далее. Каждый раз пытаюсь выяснить, чего больше всего не хватает жителям. В ту пору люди больше всего нуждались в электроэнергии. Энергию заводам, конечно, я не мог обеспечить, но для людей в быту электричество — это очень важно. А электричество часто отключают. И вот я поехал в Брюссель, попросил денежной помощи — чтоб включать свет хотя бы на два часа в день. Чтобы женщины знали, когда будет электричество и могли вести хозяйство. Не знаю, сколько времени мы сможем так продержаться, потому что для помощи нужно много денег. А деньги найти — самое тяжелое...

— Мой традиционный вопрос: вы себя считаете счастливым?

— Конечно, я — счастливый. Единственное, что меня ранит, это когда люди, которых я люблю, несчастливы. Но сам я очень счастлив. Я получил в жизни больше того, чем я желал. Не люблю, когда жалуются и сетуют на бедность. У меня есть возможность обращаться к миллионам зрителей — и я хочу поддерживать в них надежду... И еще я счастлив потому, что чувствую себя востребованным. В прошлое стараюсь не смотреть — меня больше интересует то, что впереди. Конечно, позади много дорогого: например, друзья, которых я потерял по дороге. Я их часто вспоминаю. Но не работу. Работа сделана — и все! Надо смотреть вперед. Я сейчас в том возрасте, когда начинают получать награды. И смотрю на это с улыбкой. В молодые годы только мечтать мог о таком — вот тогда бы и награждали! А теперь...

— Я ваш давний почитатель, слежу за вами много лет. А вы все такой же, только волосы побелели. Поделитесь секретом.

— Просто иду так быстро, что возраст не может меня догнать...

Подарок КПСС к пасхальной ночи

— Идеально сказано, Эльдар Александрович. Как в песне. Итак, вы давний поклонник Азнавура. Когда это началось?

— Помните, в СССР запрещали ходить на пасхальные службы? Могли уволить с работы, не только из партии. Но люди все равно ходили, хотя вокруг церквей стояли кордоны милиции и пропускали непонятно по каким спискам. А телевидение, чтобы отвлечь от церкви, именно в эту ночь — и только в эту ночь! — показывало мировую суперэстраду. Поэтому все с нетерпением ждали Пасхи — чтобы хоть на миг заглянуть в приоткрывшуюся форточку. Так я и увидел впервые концерт Азнавура. И был сражен его мастерством. Вот ведь формально никаких данных: и голос слабый, и внешность невидная, но этого никто не замечает. На сцене он артистичен, элегантен и при этом прост. Россия для него действительно не чужая страна: он немного понимает по-русски, и то, что мы единоверцы, — для него имеет значение.

И эта деловитость! Она нас поражала: едва перестает работать камера, как он тут же переключается на что-то неотложное — отвечает на звонок, углубляется в письмо, сам куда-то звонит, что-то подписывает. Мы пришли — он целиком себя посвятил нам, внимательно ответил на все вопросы, но работа кончилась — и он уже в своих делах.

Он приезжал в Москву, выступал во Дворце съездов. Ему перевалило за семьдесят, но это не ощущалось — как всегда, молод, элегантен и пел безукоризненно, это было потрясающе отлаженное шоу. Хотя полный аскетизм: черный рояль, черный костюм, черный задник, и никаких подтанцовок, только подпевали четыре девочки, причем одна из них — его дочка. И ничего больше этому щупленькому на взгляд человеку не надо. Азнавур — идеальный пример того, как человек с малыми возможностями может добиться максимума и даже больше. Благодаря характеру, силе воли и любви к профессии.

— Вы забыли сказать: таланту.

— А это все вместе и есть — талант. Потому что если нет голоса и актерской внешности, то без огромного таланта стать мастером вообще невозможно...

Продолжение сериала через неделю. Поклонники фильма «Мужчина и женщина» будут рады встрече с его автором Клодом Лелушем. Вопросы и мнения — по телефону-автоответчику (095) 200-3083, факсу (095) 209-3620 и электронному адресу kichin@izvestia.ru.

Сериал ведет Валерий КИЧИН